

Сомнение на мгновение исказило лицо Цзян Чэня, и он посмотрел на Императора Павлина немного серьезнее, чем раньше. Если бы Император Павлин действительно активировал Всевидящие Глаза, то называть его ужасающим культиватором было бы преуменьшением. Такого человека, как он, нельзя было ограничивать подобным земным мерилom!

Император Павлин наблюдал за Цзян Чэнем все это время, и он сам был очень, очень удивлен силой реакции юноши. Как великий император, он никогда не говорил о судьбе ни с кем из молодежи. Фактически, большинство его друзей и близких ему великих императоров скептически относились к его словам о судьбе. Можно даже сказать, что большинство из них никак не одобряли его теорию. Большинство из них видели судьбу так же, как и волю небес. Они думали, что это было что-то совершенно непредсказуемое.

Император Павлин может и был хорошо осведомлен о правильности своих идей, но он не заходил так далеко, чтобы навязывать свое понимание кому-либо. Однако после тысячи лет тщательных исследований ему удалось обобщить и создать метод, позволяющий наблюдать за самой судьбой. Это правда, что он чувствовал, что его способности в этом отношении были слабы, но он почти никогда не ошибался насчет людей великой судьбы, которых он наблюдал.

Хотя Цзян Чэнь происходил из Области Мириады, Император Павлин тайно собрал много информации о нем и пришел к выводу, что он был мальчиком с великой судьбой. Император Павлин много раз испытывал соблазн увидеть Цзян Чэня собственными глазами, но беспокоился, что его визит может нарушить судьбу Цзян Чэня. Так что он сдерживал свое желание. Затем он услышал, что Вечная Небесная Столица отправила приказ о захвате Цзян Чэня и что этот человек направился в Лазурную Столицу.

Это откровение обрадовало Императора Павлина, и его вера в волю небес лишь усилилась. Таким образом, он ждал все это время. Он ждал, когда появится гений, взявший на себя судьбу мира. Наконец, в один прекрасный день Цзян Чэнь вошел в Лазурную Столицу. Его прибытие совпало с похоронной процессией юного лорда Фаня.

Это был еще один знак того, что старое было заменено новым. Могущественная судьба, которую Цзян Чэнь принес с собой, когда появился в Лазурной Столице, была огромным потрясением даже для Императора Павлина. Этого было достаточно, чтобы окончательно убедить его в его собственной теории. Что больше всего удивило Императора Павлина в этот момент, так это то, что в реакции Цзян Чэня не было скептицизма. Мальчик даже спросил у императора, видит ли он нити судьбы. Цзян Чэнь тоже верил в теорию судьбы?

Император Павлин вздохнул: «Я всегда занимался искусством культивирования глаз. Более тысячи лет назад меня внезапно осенило, и мои искусства превратились в странный вид искусства наблюдения. Сначала я не знал, что это такое, поэтому я провел тысячу лет, наблюдая за всем передо мной. Хотя мои наблюдения никогда не объединялись в отдельную систему, я редко ошибался, когда использовал ее для наблюдения за судьбой. День, когда ты вошел в город, был для меня большим потрясением. Я никогда не видел кого-то с такой великой судьбой, как твоя, не говоря уже о том, что она тонко соответствовала ветрам судьбы,

которые поднялись в небо и сотрясли тучи в Области Мириады. В тот момент я убедился, что ты тот мальчик, которого я ждал из Области Мириады. Ты был Цзян Чэнем, которого Вечная Небесная Столица очень хотела заполучить, но не могла выследить, несмотря на все их усилия».

Искусство культивирования глаз? Цзян Чэнь не мог не посмотреть в глаза Императору Павлу. Глаза Императора Павлина были похожи на пару глубоких водоемов, но их глубины были столь же непостижимы, как и само небо. Его глаза время от времени меняли цвет от темно-зеленого до лазурного, и это создавало невероятно уникальный визуальный эффект.

«Если я не ошибаюсь, у тебя тоже есть искусство культивирования глаз, Цзян Чэнь... На самом деле, оно даже невероятно мощное!» с улыбкой сказал Император Павлин.

Не возражая против предложения, Цзян Чэнь кивнул: «У вас потрясающий талант, Ваше Величество. На самом деле нет ничего, что можно было бы от вас скрыть. Теперь, когда я вспоминаю, забавно, насколько я уверенно скрывал свои способности. Слава богу, я не доставил проблем на вашей территории, иначе вы могли бы убить меня одним ударом».

«Хахаха» откровенно рассмеялся Император Павлин. «Твое заявление о том, что ты не создавал проблем, не совсем верно, но ты правда не начали их по собственной инициативе. Я бы не навел на тебя, в противном случае или если бы ты показал себя злым».

Холодный пот беззвучно покинул поры Цзян Чэня. Император Павлин слишком удивителен. Я ещё не жил в его доме, и все же он, кажется, знает все, что происходило вокруг меня. «Ваше Величество, вы же не проникли сознанием в мой круг общения, не так ли?» Цзян Чэнь не знал, какое выражение ему следует иметь.

«Ха-ха, я выгляжу как человек, которому нравится шпионить за другими?» Императора Павлина также немного позабавили слова Цзян Чэня.

Пока что Император Павлина произвел неплохое впечатление на Цзян Чэня. По крайней мере, манера поведения и широта взглядов Императора Павла были из тех, с которыми не мог соперничать ни один безжалостный властитель. Из их разговора Цзян Чэнь смог сделать вывод, что последний понял его самого на основе общих наблюдений, а не шпионажа. Если бы это действительно был шпионаж, Цзян Чэнь, не задумываясь, покинул бы Лазурную Столицу. В конце концов, никто не хотел, чтобы за ним шпионили каждое мгновение его жизни. Такая жизнь была практически пыткой.

«Ваше Величество, вы имеете в виду, что знаете все, что я делал в Лазурной Столице?»

«Не обязательно. Я более или менее понимаю общую цель твоих действий. Например, ты разгромил все те магазины пилуль на Рынке Бога Земледельца, не так ли?»

Цзян Чэнь знал, что любой проницательный человек сможет это понять. Он улыбнулся: «Это

был выбор, который я был вынужден сделать. Им нужно было заплатить за свои невыносимые издевательства. Фактически, я снял с вас некоторые тяготы, Ваше Величество».

Дом Вэй принадлежал Клану Извивающегося Дракона, а Клан Извивающегося Дракона принадлежал Императору Павлину. Косвенно говоря, он действительно помогал Императору Павлину.

Однако Император Павлин лишь уклончиво улыбнулся в ответ. После минутного молчания он медленно произнес: «Я знаю обо всем, что происходит в Лазурной Столице. Провокации Величественного Клана, исследования Императора Асуры, их надежды на Лазурную Пагоду и их желание занять мое место великого императора номер один в Лазурной Столице ... если даже мои подчиненные знают об этом, как я могу не знать?»

Цзян Чэнь был удивлен: «Вы знали все с самого начала, Ваше Величество?»

«Совершенно верно» Император Павлин улыбнулся. «Другими словами, даже огромный успех и рост Императора Асуры, настолько внушительный, что даже внешний мир думает, что он теперь способен заменить меня, был для меня ожидаемым. Фактически, можно даже сказать, что я тот, кто втайне продвигал его рост».

"Что?" Цзян Чэнь не мог понять: «Вы имеете в виду, что намеренно создавали угрозу?»

«Воспитывал приемника - да, но угроза? Не обязательно так». Улыбка Императора Павлина была многозначительной: «Я боюсь только, что он растет слишком медленно».

"Что вы имеете в виду?" Цзян Чэнь нахмурился. Он внезапно почувствовал, что совсем ничего не понимает.

«Более тысячи лет назад я смутно активировал Всевидящее Око и почувствовал зов небесного Дао. Там я смог уловить крошечные проблески законов мира».

«Вы собираетесь совершить прорыв?» в голове Цзян Чэня внезапно мелькнула мысль.

«Да. Я подавлял его более тысячи лет, удерживая себя от усвоения законов, но я чувствую, что долго не продержусь. Боюсь, что менее чем через сто лет мне суждено будет покинуть Лазурную Столицу. Следовательно, мое место должен занять кто-то достаточно способный. Обычный человек не смог бы подавить внутренние и внешние угрозы Лазурной Столицы...» Император Павлин тихо вздохнул с оттенком меланхолии.

«Простите мою грубость, Ваше Величество, но есть бесчисленное множество людей, которые неспособны изучить Дао небес или добиться его признания. Если вы почувствовали его, то зачем нарочно подавлять его?» Цзян Чэнь серьезно не мог понять мысли Императора Павлина.

«Поверишь ли ты мне, если я скажу, что все это для того, чтобы внимательно следить за расой демонов?» Император Павлин неожиданно самоуничижительно улыбнулся. Цзян Чэнь вздрогнул, недоверчиво уставившись на Императора Павлина. Он даже на секунду усомнился в том, что видел своими глазами, потому что увидел на лице Императора Павлина намек на истинное беспокойство. Это была одновременно великая милость и великая мудрость, рожденные состраданием, охватившим мир. Цзян Чэнь раньше видел очень похожее выражение на лицах Е Чунлоу и главы Дворца Дань Чи. Просто у Е Чунлоу было только беспокойство, но не глубокое понимание картины в целом. Он не знал, насколько смертоносна раса демонов. Глава Дворца Дань Чи обладал большим пониманием, чем Е Чунлоу, но он думал скорее с точки зрения своей секты.

Император Павлин был единственным, кого видел Цзян Чэнь, обладающим одновременно милосердием и мудростью. Эрудированная мудрость и искренняя забота о мире, не запятнанном даже крупницей эгоизма. Спустя мгновение замешательства Цзян Чэнь понял, почему. Культивирование Императора Павлина было настолько велико, что он уже мог чувствовать законы мира. Следовательно, какое значение имели для него конфликты мирской власти? Его точка зрения и понимание мира уже давно превзошли точку зрения Лазурной Столицы. К несчастью для него, его точка зрения была слишком высока и слишком недостижима. Она была настолько высока, что его никто не мог догнать. В результате не многие люди могли понять его чувства.

Раса демонов? Зачем обычным культиваторам думать о расе демонов, если демоническое бедствие не произошло? В мире могло быть бесчисленное количество бедствий, но ни одно из них не было таким важным, как их собственное культивирование. Именно потому, что большинство людей были такими оцепеневшими, эгоистичными и легко удовлетворялись низкими амбициями, никто не обращал внимания на более широкую картину.

Вот почему Император Павлин был одинок в своей мудрости. Дошло до того, что можно было даже сказать, что время его забот и сострадания было немного неуместным. Внезапно Цзян Чэнь почувствовал себя немного подавленным. По какой-то причине он вдруг вспомнил отца из прошлой жизни. Его отец сам был именно таким человеком. Несмотря на то, что он занимал пост небесного императора, его беспокоило отсутствие людей, которые могли бы его понять. Он до смерти волновался за судьбу великого мира Тайюань, но все же не смог предотвратить бедствие, которое, в конце концов, разрушило небесный план. На страницах книг такого человека, как он, можно было бы назвать героем или первооткрывателем. Однако у большинства из них не было хорошего финала.

При сравнении себя со своим отцом Цзян Чэнь чувствовал, что всю свою жизнь прожил слишком низко. Его отец, вероятно, был бы недоволен, если бы узнал о его нынешнем положении, не так ли? Страсть, смешанная со стыдом, поднялась в сердце Цзян Чэня: «Цзян Чэнь больше всего впечатлен высотой вашего понимания, Ваше Величество. Возможно, я не смогу стать кем-то таким великим, как вы, но я всеми силами постараюсь помочь Континенту Божественной Бездны».

Несмотря на то, что он ничего не обещал, Цзян Чэнь принял решение. До сих пор он жил очень осторожно, но что случилось с ним после всех его усилий? Разрушенная секта, и у него теперь даже нет дома, куда можно было бы вернуться. Если это так, то почему он должен жить так и дальше? Почему бы ему вместо этого не сделать все, что в его силах, и не жить полной

жизнью?

<http://tl.rulate.ru/book/27/1258055>